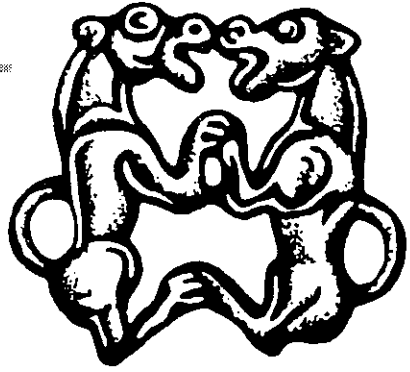

В.П. Алексеев

О «СКИФСКОМ ОРУЖИИ» НА ОЛЬВИЙСКИХ МОНЕТАХ И ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЛУЧНИКА НА МОНЕТАХ С ИМЕНЕМ ΣΩΣΤΡΑ

В статье на основе анализа нумизматических памятников рассматриваются отношения Ольвии с местным населением в эллинистическую эпоху.

Для изучения проблемы взаимоотношений ольвиополитов и местного населения в эллинистическую эпоху исследователи использовали различные источники — от сообщений античных авторов и ольвийских декретов до антропологических наблюдений и сведений об экологических изменениях в Побужье и Приднепровье. В статье для освещения некоторых сторон данной проблемы сконцентрировано внимание на нумизматических памятниках, при этом привлечены и другие источники.

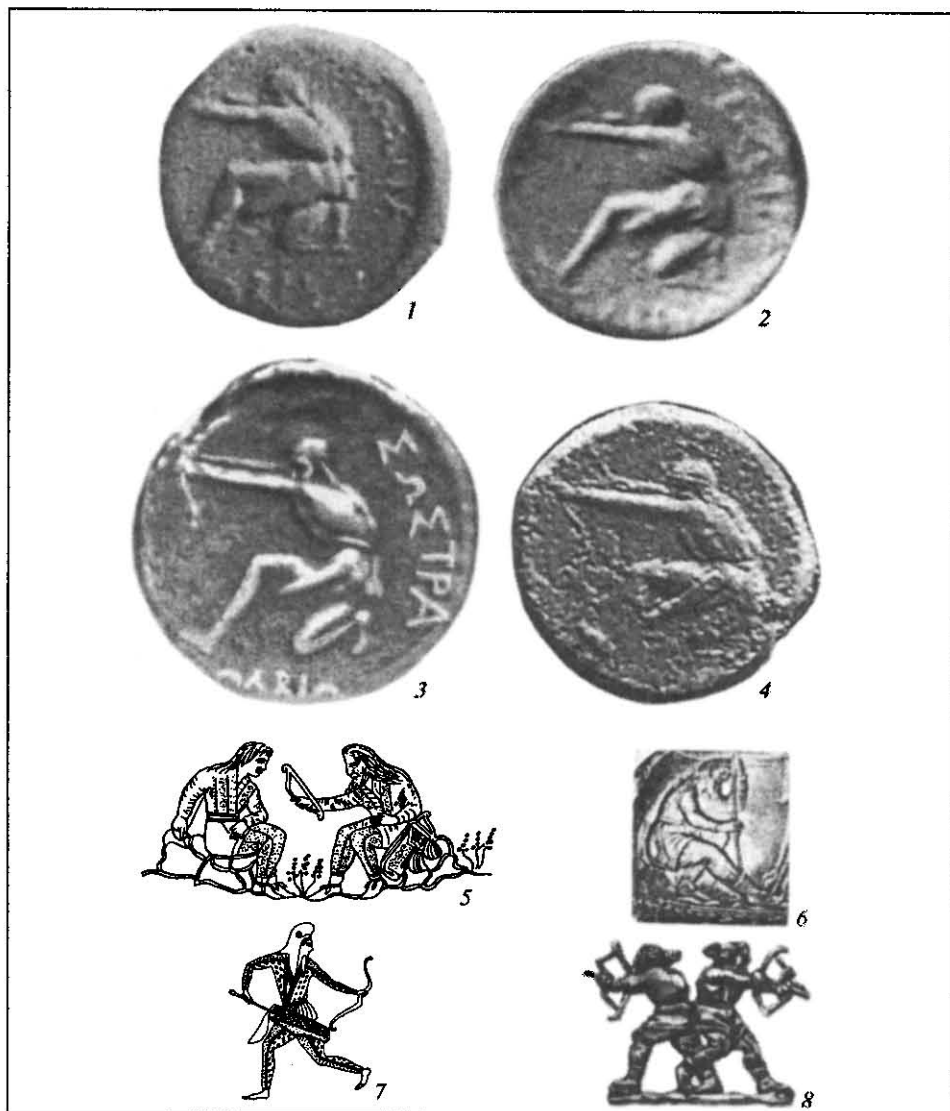
На реверсах ольвийских медных монет, чеканенных в период с последней четверти IV в. до конца III в. до н. э., изображено скифское оружие — секира и лук в горите¹. На некоторых из них лук представлен без сокиры — либо действующим (в изображении коленапреклоненной мужской фигуры, стреляющей из лука), либо уложенным в футляр². Особо следует отметить, что секира и лук в горите заняли место, которое до этого на медных монетах предназначалось для «герба» Ольвии — орла, терзающего дельфина, а также и то, что скифское оружие оставалось монетным типом на протяжении более столетия. Следовательно, эти факты свидетельствуют о том, что данное изображение имело важное значение для ольвиополитов. Однако хотя секира и лук в горите на реверсах указанных монет по материальной природе, безусловно, являются скифскими, это вовсе не означает того, что изображенное на них оружие олицетворяло обязательно скифские воинские силы. Попытаемся выяснить, что конкретно символизировало это оружие и причину его появления на монетах Ольвии в рассматриваемую эпоху.

Скифское оружие в комплекте двух видов — секиры и лука в горите — впервые появляется на так называемых борисфенах. Начало их чеканки приходится на период, близкий ко времени отражения ольвиополитами агрессии македонского войска во главе с Зопирионом — 330—325 гг. до н. э.⁴ В сообщении Юстина указывается, что отступающее войско македонян вместе с их военачальником было уничтожено скифами или гетами⁵. Вряд ли этим возможно объяснить появление изображения скифского оружия на ольвийских монетах (как знака благодарности ольвиополитов своим союзникам скифам). На протяжении большого периода времени — более 100 лет — мемориальный характер изображения скифского оружия на монетах (в том числе отчеканенных после борисфенов в последних десятилетиях III в. до н. э.⁶) не смог бы удержаться. Для разъяснения поставленных выше вопросов обратимся к некоторым этапам истории скифов в III в. до н. э.

Великая Скифия приходит в упадок примерно со второй четверти III в. до н. э.⁷ В середине того века скифы перемещаются с освоенной территории в Нижнее Приднепровье и в долины предгорья Крыма⁸. Утерянные земли скифские племена пытаются возместить набегами на античные города Северного Причерноморья⁹. Из декрета в честь Антестерия, относящегося к середине III в. до н. э., можно заключить, что превращение, в основном, добрососедских отношений ольвиополитов с варварским миром во враждебные началось еще в первой половине III в. до н. э.¹⁰ и скорее всего длилось, как полагают, до 70—60-х годов¹¹. В конце второй четвер-

ти — середины III в. до н. э. прекращает существование большинство поселений и усадеб ольвийской хоры¹². Виновником этих насильственных разрушений некоторые исследователи считают не скиров и галатов, а скифов¹³. Из второй части декрета в честь Протогена¹⁴, датированного 220—210 гг. до н. э.¹⁵ или рубежом III—II вв. до н. э.¹⁶, можно, вслед за другими авторами, заключить, что жители Ольвии не доверяли скифам и опасались их, отказав им в убежище за стенами своего полиса перед общей угрозой нашествия галатов и скиров¹⁷. Изучение исторической обстановки в рассматриваемое время привело специалистов к выводу о том, что в III в. до н. э. античные государства Северного Причерноморья, в частности Ольвия, лишились «своеобразного гаранта в системе взаимоотношений с варварским миром в лице скифской знати» и вступили в сложный период приспособления к новым условиям¹⁸. На фоне указанных исторических событий, нового характера отношений Ольвии со скифскими племенами невозможно представить, что скифское оружие на ольвийских монетах того времени являлось символом военных сил скифов или дружественного союза с ними. Противоречие очевидное, и парадоксальность ситуации заставляет предполагать, что это оружие использовалось другими этносами. Понимать запечатленные на реверсах ольвийских монет секиру и лук в горите как предметы вооружения ольвиополитов сомнительно. Легковооруженная часть пехоты Ольвии применяла, главным образом, лук и стрелы скифского типа, но основу пехоты составляли гоплиты, оружием которых были копья и мечи¹⁹. В силу этого именно данные предметы были бы изображены на монетах, а не лук и стрелы — оружие малоимущего свободного населения полиса. Поэтому наиболее вероятно, что секира и лук в горите — предметы вооружения миксэллинов²⁰. В отличие от ополчения граждан, которое собиралось только в случае войны, миксэллины постоянно в течение долгого времени охраняли хору, границу Ольвийского полиса. Вследствие того что процесс смешения эллинов с варварами особенно усилился в эллинистическую эпоху²¹ и среди варварских племен, окружавших Ольвию, преобладали скифские племена, вполне вероятно, что и примесь скифского этнического элемента в миксэллинах присутствовала в большей мере, нежели других этнических групп местного населения²².

На широком историческом фоне Н.В. Шафранская убедительно показала, что термин «миксэллины» применялся для обозначения какой-то военной группы населения²³. Полагают, что местом проживания ольвийских миксэллинов были коллективные усадьбы с элементами фортификации, служащие целям обороны²⁴. Возникнув еще в последней трети V в. до н. э., они получили широкое распространение после осады Ольвии войском Зопириона в конце IV в. до н. э.²⁵ В тот период миксэллинам было вменено в обязанность оборонять хору Ольвии. В какой-то войне Ольвия вместе с миксэллинами, как явствует из декрета Антестерия, одержала победу, вероятно в первой половине III в. до н. э.²⁶ Но уже в середине III в. до н. э. ольвиополитам пришлось подкупом, дарами ублажать военачальников миксэллинов, дабы склонить их на свою сторону в борьбе с врагом. А в конце III в. до н. э., согласно декрету в честь Протогена, миксэллины «были возвращены» неприятелем²⁷. При сравнении динамики отношений ольвиополитов и миксэллинов с очередностью выпусков медных монет Ольвии за тот же период — с 330—325 гг. до конца III в. до н. э. — устанавливается соответствующее изменение монетных типов. На первом, союзническом, этапе отношений на монетах изображалось местное божество реки — Борисфен, или Гипанид, в трактовке которого на последующих выпусках подчеркиваются этнические черты скифов²⁸ или жителей ольвийской хоры, местного населения региона, оружие скифов — секира и лук в горите. Обух секир на некоторых монетах из ранних выпусков борисфенов (I, II, и IV групп, по классификации П.О. Карышковского) трактуется декоративно в подражание обухам парадных скифских секир, исполненным в «зверином стиле» — в виде голов грифона, коня и орла²⁹. На монетах, одновременных II и III группам борисфенов, с типами Деметра в стеной короне — лучник³⁰ подчеркивается мотив защиты, а стрелок предстает одетым на некоторых монетах этой эмиссии в скифский костюм. На втором, промежуточном, этапе, в период вынужденного задабривания ольвиополитами военачальников миксэллинов дарами (которое став, как полагают, традиционной практикой³¹, имело место во второй половине III в. до н. э. до измены миксэллинов), местное божество на лицевых сторонах монет вытесняется изображениями голов эллинских богов — Геракла, Зевса, Аполлона и Деметры (230—210 гг. до н. э.), но секира и лук сохраняются на одних монетах, на реверсах других палица Геракла заменяет секиру, на третьих — остается

Нумизматические и другие памятники эллинистической эпохи: 1—4 — реверсы ольвийских монет с именем Сострата; изображения скифов: 5 — на Воронежском сосуде, 6 — на сосуде из Куль-Обы, 7 — на античной вазе, 8 — на бляшке из Куль-Обы. Источники: 1 — В.А. Анохин. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. — К., 1989. — Табл. V, 60; 2 — В. Pick. Die antiken Münzen Nord-Griechenlands. — Berlin, 1898. — I, t. 1 — Taf. X, 1; 3 — частное собрание (Одесса); 4 — А. Подшивалов. Московский публичный и Румянцевский музеи. Нумизматический кабинет. — М., 1884. — Вып. 1. — Табл. 88а; 5 — Е.В. Черненко. Скифские лучники. — К., 1981. — С. 89. — Рис. 67; 6 — Там же. — С. 84. — Рис. 62 (первый фрагмент в нижнем ряду); 7 — Там же. — С. 134. — Рис. 93; 8 — Там же. — С. 119. — Рис. 87.

только один лук в горите или в руках лучника³². На третьем, заключительном, этапе, в период перехода миксэллинов в стан врагов Ольвии, с ее монет полностью исчезают мотивы, связанные с какими-либо представлениями местного населения.

Проведенная нами параллель и сведения, полученные из декретов Антестерия и Протогена, указывают на важное значение миксэллинов для Ольвийского государства. Миксэллины представляли собой внушительную силу по количеству как населения³³, так и воинов — контингент боеспособных представителей мужского пола в 1500 человек (ко времени декрета Протогена). В связи с этим ольвиополитам приходилось считаться с миксэллинами, особенно в период частых военных конфликтов с варварскими племенами³⁴. Поэтому согласиться с мнением некоторых авто-

ров о миксэллинах как о зависимом населении³⁵ мы можем только отчасти. Помимо указанного выше соображения зависимое население не называют «союзниками», причем в таком официальном документе, как декрет, а предводителей их военных отрядов не задабривают подарками в надежде склонить на свою сторону. К тому же, если наше предположение о принадлежности скифского оружия миксэллинам недалеко от истины, то оружие подневольного слоя населения ольвиополиты не стали бы помещать на своих монетах. Нам представляется более приемлемым определение социального положения миксэллинов как группы населения, обладавшей личной свободой, но не имевшей политических прав³⁶, т. е. как чужеродный, изолированный от граждан полиса элемент.

Подтверждение нашей гипотезы видится в раскрытии содержания реверсной стороны ольвийских монет Деметра-лучник с надписью ΣΩΣΤΡΑ, чеканенных с конца IV в. — вначале в начале III в. до н. э.³⁷ Следует подчеркнуть, что в отношении описания внешнего вида стрелка (и связанные с этим определение его этнической принадлежности и объяснение изображения в целом) мнения специалистов расходятся. Одни полагают, что стрелок показан на монетах обнаженным (или почти таковым)³⁸, и видят в нем эллина³⁹. Другие усматривают на лучнике одежду — короткую куртку⁴⁰, скифский костюм⁴¹, а некоторые определяют стрелка по форме одеяния как скифа⁴². Тем не менее оба эти взаимно исключающие мнения оказываются верными. Согласно нашей таблице (1—4), действительно существуют монеты с лучником и именем Сострада, на некоторых мужская фигура показана обнаженной (или почти таковой — № 1), и монеты с тем же именем и лучником, но уже одетым в короткую куртку (2—4). Эта одежда почти полностью совпадает с костюмом скифов, изображенных на произведениях торевтики из различных центров Северного Причерноморья (таблица, 5, 6, 8) и на античной вазе (таблица, 7). Это короткий кожаный (или шерстяной) кафтан, туго стянутый поясом, и штаны, в одних случаях широкие, в других — узкие, плотно облегающие ноги (таблица, 5), как и на скифе, изображенном на монетах Керкинитиды.

Отмеченное совпадение усиливается родством и других существенных деталей. Так, на одной из представленных ольвийских монет длинные волосы у стрелка собраны на затылке в узел (таблица, 2), как у двух, стреляющих из луков скифов на золотой бляшке из кургана Куль-Оба (таблица, 8), на другой монете — длинные и прямые волосы спускаются ниже плеча (таблица, 4), как обычно в изображениях скифов (таблица, 5, 6), причем на данной монете на голове стрелка четко видна налобная повязка, которую обнаруживаем и у скифов (таблица, 6).

Таким образом, на тех ольвийских монетах, на которых лучник показан одетым, его фигуре присущи многие типичные черты, характеризующие этнический облик скифов. Однако видеть в этом изображении именно скифа, по нашему мнению, затруднительно по двум причинам. Во-первых, историческая обстановка конце IV — первой половины III в. до н. э., в период обращения рассматриваемых монет, свидетельствовала, как показано выше, о том, что отношения Ольвии со скифскими племенами изменились — из мирных, добрососедских, превратились во враждебные. Во-вторых, ядро скифского войска и в то время составляла конница (конные стрелки), а пехоту представляли лучники, собранные из подвластных кочевым скифам земледельческих, оседлых скифских племен⁴³. Исходя из приведенных доводов кажется невероятным, чтобы ольвиополиты на своих монетах изображали воина вражеских сил либо рядового скифского пехотинца, подневольного дружине знатных скифских всадников, а не самого представителя «царских скифов».

Интересно, что о мужской фигуре на исследуемых нами ольвийских монетах А.Н. Зограф говорит не как об изображении скифа, а только как о «стрелке в скифском костюме» и, сопоставляя этот местный мотив с посвяительной эпитафией Анаксагора Димагорова, полагает, что эти два фактора, дополняя друг друга, свидетельствуют «о существовании в Ольвии состязаний в стрельбе из лука»⁴⁴. В тех случаях, когда лучник на монетах представлен обнаженным, в нем видят ольвиополита на состязаниях в честь Ахилла Понтарха⁴⁵. Но кто же мог принимать участие в этих ольвийских агонах, будучи облаченным в скифскую одежду, да к тому же с присущими, как мы показали, скифам некоторыми типичными этническими признаками⁴⁶? Ольвиополиты только с II—I вв. до н. э., как полагают, стали заимствовать у варваров одежду, в частности плотнооблегающие шерстяные штаны и мягкие полусапожки⁴⁷.

Поэтому мы полагаем, что на тех из рассматриваемых ольвийских монет, на которых лучник представлен в скифской одежде, с длинными волосами (иногда с на-

лобной повязкой), вероятнее всего, изображен миксэллин. Представителям именно этой группы населения, как указано выше, в большой мере были присущи этнические черты скифских племен, а роль миксэллинов в военном деле Ольвии и в истории ее войн была значительной.

В эллинистическую эпоху кризис полиса был и кризисом его военных институтов. Военная опора полиса в виде гражданского ополчения, видимо, также была трансформирована, как и система полисной демократии, — формально действовали органы ее управления, но они уже наполнились другим содержанием. Дело не в терминологическом определении новой формы военной организации Ольвии — «наемничество», «военнообязанные земледельцы», — а безусловно, в констатации самого создания таковой по своей новой сути. Для содержания новых воинских формирований, оплаты службы войнов-миксэллинов, по нашему мнению, возможно и предназначались монетные выпуски, так называемые борисфены (и монеты с изображением Деметра-лучник). Рассмотрим основания для такого предположения ⁴⁸.

Археологические работы, проводимые на хоре Ольвии, на античных поселениях Бутского лимана, где находились коллективные усадьбы, принадлежавшие, как полагают, миксэллинам, показали, что среди всех обнаруженных на ней монет были почти исключительно монеты двух типов — борисфены и Деметра в стеной короне — лучник ⁴⁹. Причем, если в период с последней трети IV в. до середины III в. до н. э. интенсивность обращения указанных типов монет возрастает, то со второй половины III в. до н. э. она резко сокращается ⁵⁰. Это явление, по нашему мнению, симптоматично, так как изменение интенсивности обращения данных монет синхронно отражает перемены в отношениях Ольвии и миксэллинов. Время гибели коллективных усадеб на западном берегу лимана (около 240 г. до н. э.) ⁵¹ совпадает с временем последних выпусков борисфенов. Наша гипотеза согласуется с этими факторами и с той ролью борисфенов в денежном хозяйстве Ольвии, которую определил А.Н. Зограф и позже — П.О. Карышковский ⁵². Авторитетные нумизматы отмечают экстраординарную специфику выпусков борисфенов: обращение как денежных знаков, имевших номинальную стоимость, которая превышала их фактическую металлическую ценность; строгий контроль производства монет. Подобный характер выпусков борисфенов был вызван необычным явлением в жизни ольвиополитов, которое нами определяется как оплата воинской службы особой группы населения, специализировавшейся в этой области — миксэллинов. Финансовые возможности Ольвии в период ее расцвета — последняя четверть IV в. до н. э. — первая половина III в. до н. э., в течение которого чеканились борисфены, — были достаточно велики ⁵³, чтобы стало возможным содержать специальные военные отряды миксэллинов для охраны границ своего полиса. В период же кризиса (с середины III в. до н. э.) ольвиополиты, не имея возможности регулярно оплачивать службу миксэллинов (на что, по нашему мнению, указывает прекращение чеканки борисфенов в 240 г. до н. э.), стали отправлять, как явствует декрет Ангестерия, «дары» военачальникам отрядов миксэллинов.

Обобщим основные положения статьи. Анализ отношений ольвиополитов с местным населением и развития типологии ольвийских монет в период последняя четверть IV в. — конец III в. до н. э. не позволяет рассматривать скифское оружие на данных монетах как символ военных сил скифов (или ольвиополитов) и приводит нас к пониманию его как эмблемы вооруженных сил дружественных Ольвии миксэллинов. На одном из вариантов монетных выпусков Деметра-лучник в изображении на реверсе мужской фигуры, одетой в скифский костюм, мы видим не скифа, а миксэллина, представителя новой формы военной организации в вооруженных силах Ольвии.

Обнаруженная нами зависимость типологии борисфенов (отчасти монет Деметра-лучник), характера их обращения от содержания отношений Ольвии с миксэллинами, по нашему мнению, подтверждается следующим: оригинальностью монетных типов, отражающих различные представления местного населения о мире (и миксэллинов); находками почти исключительно только этих двух видов монет в зонах, где проживали в коллективных усадьбах миксэллины; совпадением степени интенсивности обращения данных монет в местах обитания миксэллинов с уровнем лояльности последних к ольвиополитам; прекращением чеканки борисфенов, которое приходится на время гибели коллективных усадеб миксэллинов. Вытеснение с ольвийских монет, чеканенных после борисфенов, изображений божества реки происходит в момент ухудшения отношений ольвиополитов с миксэллинами (период задабривания их дарами), а исчезновение с реверсов скифского оружия совпадает с переходом миксэллинов на сторону врагов Оль-

вии (конец III — начало II в. до н. э.). Изложенное выше позволило нам трактовать в качестве рабочей гипотезы чеканку борисфенов как специальных выпусков, предназначенных для оплаты воинской службы миксэллинов за охрану границ Ольвийского полиса.

¹ Как теперь доказано, это не боевая, а декоративно-парадная секира, служащая атрибутом военачальников каких-то подразделений скифского войска (см. *Іллінська В.А.* Скифські сокири // Археологія. — 1961. — Т. XII. — С. 46 сл.); См.: *Карышковский П.О.* Монеты Ольвии. — К., 1988. — С. 60. — Рис. 6, 10. — С. 91. — Рис. 8; *Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. — К., 1989. — Таблицы и каталог монет. — 127—215, 229—231, 243—245, 248—257.

² См. *Карышковский П.О.* Указ. соч. — С. 68, 83. — Рис. 7, 10, 11; *Анохин В.А.* Указ. соч. — Табл. V, 60, 61. — Табл. XVI, 232—236.

³ См. *Карышковский П.О.* Указ. соч. — С. 60. — Рис. 6, 1, 3, 10. — С. 66.

⁴ *Карышковский П.О.* Ольвийские «борисфены» // НСФ. — 1968. — Вып. 3. — С. 75.

⁵ *Just.* II, 3, 4; *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса. VII—I вв. до н. э. — М., 1989. — С. 151, примеч. 57.

⁶ *Карышковский П.О.* Монеты Ольвии. — С. 90—92. — С. 91. — Рис. 8.

⁷ *Полін С.В.* Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. — 1984. — № 45. — С. 25.

⁸ Одни исследователи полагают, что это переселение произошло под натиском сарматов с востока и гето-фракийских племен с запада (*Виноградов Ю.Г.* Указ. соч. — С. 180. См. литературу по этой версии на с. 181, примеч. 13). Другие трактуют данное явление как следствия ухудшившихся климатических условий, засухи, истощения почвы (*Полін С.В.* Вказ. праця — С. 31; *Крыжицкий С.Д.* Про вплив змін оточуючого середовища на історичний розвиток Ольвійської держави // Археологія. — 1995. — № 2. — С. 20, 22).

⁹ *Артамонов М.И.* Узловые вопросы скифской истории и археологии // Тезисы пленарных и секционных доповідей. XV Наук. конф. Ін-ту археології УРСР. — Одеса, 1972. — С. 22.

¹⁰ *Виноградов Ю.Г.* Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. — 1984. — № 1. — С. 54, 57 стк. 13—31.

¹¹ *Виноградов Ю.А., Марченко К.К.* Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. — 1991. — № 1. — С. 153. Ю.Г. Виноградов полагает, что упомянутую в декрете Антестерия войну, из которой Ольвия вышла победительницей, скорее всего следует связывать с войной с каким-то варварским набегом, нежели с конфликтом с одним из понтийских греческих государств: *Виноградов Ю.Г.* Декрет в честь... — С. 68; *Он же.* Политическая история... — С. 180.

¹² *Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М.* Сельская округа Ольвии. — К., 1989. — С. 100.

¹³ *Смирнов К.Ф.* О начале проникновения сарматов в Скифию // Проблемы скифской археологии. — М., 1971. — С. 196; *Полін С.В.* Вказ. праця — С. 27.

¹⁴ IOSPE, I², 328, стк. 5—11.

¹⁵ *Виноградов Ю.Г.* Политическая история... — С. 182, примеч. 16.

¹⁶ *Карышковский П.О.* Монеты Ольвии. — С. 93.

¹⁷ *Симоненко А.В., Лобай Б.И.* Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. — К., 1992. — С. 77.

¹⁸ *Виноградов Ю.А., Марченко К.К.* Указ. соч. — С. 153.

¹⁹ *Блаватский В.Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. — М., 1954. — С. 74, 75, 79.

²⁰ Считается доказанным, что это название получила группа людей, возникшая от смешанных браков эллинов с местным варварским населением: *Шафранская Н.В.* О миксэллинах // ВДИ. — 1956. — № 3. — С. 38, 45.

²¹ Там же. — С. 45.

²² Ведь еще в V в. до н. э. каллипиды, в которых видят скифское племя, жили на земле, принадлежавшей Ольвии (*Шафранская Н.В.* Указ. соч. — С. 43).

²³ *Шафранская Н.В.* Указ. соч. — С. 45—47. Другие исследователи видят в миксэллинах не наемников, а военнообязанных земледельцев (*Карышковский П.О., Клейман И.Б.* Древний город Тира. — К., 1985. — С. 74) или «зависимое военно-земледельческое население... посаженное некогда для обработки ольвийской хоры и охраны границ полиса» (*Виноградов Ю.Г.* Политическая история... — С. 183, примеч. 18).

²⁴ *Отрешко В.М.* З історії Ольвійського поліса в IV—I ст. до н. е. // Археологія. — 1982. — № 41. — С. 40—42; *Крыжицкий С.Д. и др.* Сельская округа... — С. 100.

²⁵ *Крыжицкий С.Д. и др.* Там же. — С. 124.

²⁶ *Виноградов Ю.Г.* Декрет... — С. 57.

²⁷ IOSPE, I², 323, стк. 15—20; *Виноградов Ю.Г.* Декрет... — С. 66 сл.

²⁸ *Карышковский П.О.* Ольвийские «борисфены»... — С. 67. — Табл. IV, 2—10.

²⁹ Алексеев В.П. К вопросу о семантике скифского оружия на «борисфенах» // Древнее Причерноморье / III чтение памяти проф. П.О. Карышковского. — Одесса, 1996. — С. 5,6. — Рис. 1; см. *Ditrich K. Antike Münzen aus Olbia und Pantikaraum.* — Prag, 1959. — Taf. 28.

³⁰ Карышковский П.О. Монеты Ольвии... — С. 83. О подтверждении одновременности выпуска этих монет указанным группам борисфенов см.: *Рубан В.В., Урсалов В.Н. История денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии догетского времени* // ВДИ. — 1986. — № 4. — С. 46.

³¹ Виноградов Ю.Г. Декрет... — С. 67.

³² Карышковский П.О. Монеты Ольвии... — С. 90—92. — С. 91. — Рис. 8, 3—7; *Анохин В.А.* Указ. соч. — Табл. XVI, 229—236, 243. — Табл. XVII, 259—262.

³³ По подсчетам одних исследователей оно составляло 7500 человек (*Отреико В.М.* Указ. соч. — С. 40), по подсчетам других — 6000 (*Крыжицкий и др.* ... — С. 148).

³⁴ Виноградов Ю.Г. Декрет... — С. 67, примеч. 49.

³⁵ Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город... — С. 74; *Виноградов Ю.Г. Политическая история...* — С. 183, примеч. 18.

³⁶ Шафранская Н.В. Указ. соч. — С. 47.

³⁷ Парович М.Б. Про датування ольвійських монет із зображенням голови Тіхи // Археологія. — 1957. — Т. XI. — С. 159; *Карышковский П.О.* Из истории монетного дела Ольвии в эпоху эллинизма // МАСП. — 1962. — Вып. 4. — С. 92.

³⁸ *Murzakewicz N. Descriptio Musei Publici Odessani, Pars I, continens Numophylacium Odessanum.* — Odessae, 1841. — S. 15, N 79; *Hess A. Griechische Münzen.* — Frankfurt am Main, 1906. — S. 2, N 23; *Карышковский П.О.* Из истории монетного дела Ольвии... — С. 93; *Blaramberg J. Choix de médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia faisant partie du cabinet de Blaramberg a Odessa.* — Paris, 1822. — Pl. XV, 144.

³⁹ Карышковский П.О. Из истории монетного дела Ольвии... — С. 93.

⁴⁰ Бурачков П.О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на Северном берегу Черного моря. — Одесса, 1884. — Ч. 1. — Табл. VII, 152, 154 (в описании 191 с ссылкой на 123).

⁴¹ Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. — 1951. — № 16. — С. 137.

⁴² *Lemme J. Catalogue Médailles du Bosphore Cimmerien.* — Paris, 1872. — N 91, 92; *Фармаковский Б.В.* Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг. // ИАК. — 1906. — Вып. 13. — С. 233. — № 6.

⁴³ Блаватский В.Д. Указ. соч. — С. 20.

⁴⁴ Зограф А.Н. Указ. соч. — С. 137; см. также: *Кубланов М.М.* Легенда о ристалище Ахилла и ольвийские агонистические праздники // ЕМИРА. — 1957. — Т. 1. — С. 266.

⁴⁵ Карышковский П.О. Из истории монетного дела Ольвии... — С. 93.

⁴⁶ В монетном деле Ольвии известны случаи вариантных трактовок монетного типа определенного номинала при одном и том же магистрате (см., напр., серебряные монеты «голова Геракла — венок» с сокращением EAN (I) (I); *Анохин В.А.* Указ. соч. — С. 110, 296—298).

⁴⁷ Цветаева Г.А. Быт. Одежда и украшения // АГСП. — 1984. — С. 236.

⁴⁸ Мы выдвигаем его только в качестве рабочей гипотезы и предлагаем вниманию специалистов свои наблюдения в надежде на то, что они могут оказаться не лишними при дальнейших изысканиях.

⁴⁹ *Рубан В.В., Урсалов В.Н.* Ольвийские монеты из античных сельскохозяйственных вилл Бугского лимана // ВДИ. — 1978. — № 3. — С. 85; *Они же.* История денежного обращения... — С. 42—46.

⁵⁰ *Рубан В.В., Урсалов В.Н.* История денежного обращения... — С. 48.

⁵¹ *Рубан В.В., Урсалов В.Н.* Ольвийские монеты... — С. 85 сл.

⁵² Зограф А.Н. Указ. соч. — С. 131; *Карышковский П.О.* Ольвийские «борисфены»... — С. 76, 82—84.

⁵³ Достаточно вспомнить о небывалой в античном мире денежной награде Каллиника, сына Евксена, в 1000 золотых, и о первом в истории города выпуске золотых статов, которые обеспечили медным борисфенам твердый курс (см. *Карышковский П.О.* Ольвийские «борисфены»... — С. 74. — Табл. 2. — С. 84; *Они же.* Монеты Ольвии... — С. 17).

Одержано 03.10.97

В.П. Алексеев

ПРО «СКИФСЬКУ ЗБРОЮ» НА ОЛЬВІЙСЬКИХ МОНЕТАХ ТА ПРО ЕТНІЧНУ ПРИНАЛЕЖНІСТЬ ЛУЧНИКА НА МОНЕТАХ З ІМ'ЯМ ΣΩΣΤΡΑ

Виходячи з характеру відносин Ольвії з місцевим населенням у період остання чверть IV ст. — кінець III ст. до н. е., скифську зброю на монетах Ольвії слід розглядати як зброю, що належала мікселінам, символом їх дружніх зв'язків з громадянами цього полісу. Встановлено залежність

типології, особливого характеру випусків борисфенов, монет Деметра-лучник від соціального положення мікселінів як сторожі кордонів Ольвійського полісу і стану їх взаємовідносин з ольвіополітами. Як робоча гіпотеза запропоновано трактувати чеканку борисфенів як спеціальні випуски, що призначались для утримання загонів мікселінів.

V.P. Alekseev

ON «SCYTHIAN ARMS» ON OLBIA'S COINS AND ON ETHNIC AFFILIATION OF AN ARCHER ON COINS WITH THE NAME ΣΩΣΤΡΑ

The paper shows that Scythian arms on Olbia's coins should be considered as arms, which belong to mix-Hellenes as a symbol of their allied and friendly ties with citizens of Olbia rather than to the Scyths or citizens of Olbia, in view of the character of Olbia's relations with the local population in the period from the last quarter of the IV century BC till the end of the III century BC. On the reverse side of coins "Demeter-archer", the image of a male figure dressed in a Scythian suit is comprehended as that of a mix-Hellene, a representative of a new form of the military organization in Olbia's armed forces. The author establishes the dependence of the typology, a particular character of the issue of borysthene coins «Demeter-archer», and their turnover in the country on the social position of mix-Hellenes as guards of the boundaries of the Olbia city-state and on the condition of their interrelations with citizens of Olbia. As a work hypothesis, the author proposes to treat the coinage of borysthene coins as special issues intended for the keeping of military detachments of mix-Hellenes.

О. Колибенко

ДО ПИТАННЯ ПРО ЛОКАЛІЗАЦІЮ ЄВРЕЙСЬКОГО НЕКРОПОЛЯ В ПЕРЕЯСЛАВІ РУСЬКОМУ

В статті розглянуто питання локалізації єврейського некрополя в Переяславлі Руському.

Переяславль Руський був одним з найбільших політичних, економічних та культурних центрів Русі. Це велике місто, що виникло наприкінці X ст. на броді через р. Трубіж неподалік стратегічного Зарубського броду, було збудовано на місці важливого транспортного вузла, на перехресті двох шляхів: лівобережно-дніпровської транспортної магістралі та басансько-зарубського шляху¹. Розташування на Лівобережжі р. Дніпра, у безпосередній близькості до південно-східних кордонів держави, робило Переяславль зручним пунктом транзитної торгівлі як зі Сходом, так і з Півднем. Підтвердженням цього є численні археологічні знахідки, що ілюструють пріоритетні напрями торгівлі та певною мірою її асортимент. Про розмах торговельних операцій переяславського купецтва можуть свідчити монетно-речові скарби, виявлені на території міста та в найближчій окрузі.

Наприклад, у 1912 р. неподалік с. Дениси його мешканцем Тимофієм Форостовським знайдено скарб, до складу якого входили срібні прикраси, зливков у вигляді тригранної палички (139 г) та монети: дирхеми — 5325 (402 цілих, 4923 уламки); імітація дирхемів — 5 уламків; західноєвропейські монети — 41 (13 цілих, 28 уламків); візантійські — 3 уламки міліарісіїв Іоанна Цимісія (969—976); уламок мідної «варварської» імітації міліарісія Василя II та Константина VIII (976—1025); 2 індійські X ст.; дуже поганої збереженості римська монета, очевидно, Гордіана III; а також 6 срібників Володимира Святославовича II—IV типів (1 повний переламаний екземпляр та 7 фрагментів від 5 монет) і дефектний срібник Святополка Окаянного. Загальна маса скарбу — 8 фунтів 63 золотника (3544,791 г.). Скарб захований у 20-х роках XI ст.².

© О. КОЛИБЕНКО, 2001